

David Graeber. *Debt. The First 5000 Years.* Brooklyn; N.Y.: Melville House, 2011. 534 p.

Дэвид Гребер. *Долг: первые 5000 лет истории /* Пер. с англ. А. Дунаева. М.: AdMarginem Press, 2015. 528 с.

Рецензируемая книга представляет обширное исследование роли категории долга в социальных отношениях, взаимосвязи долга и денег, а также эволюции форм долга и денег в масштабе письменной истории человечества. Фактически приравняв понятие долга к понятию денег, Дэвид Гребер делает попытку описать совместную эволюцию двух явлений в широком социальном контексте (становление и развитие государства и рынков, войны, изменение экономических систем). Автор демонстрирует эрудицию и владение большим массивом информации в ущерб выверенности фактов и сопоставимости данных, в силу чего книга вряд ли привлечет внимание той самой аудитории, чьи мифы развенчивает Гребер, — экономистов мейнстрима, выводящих деньги из неудобств бартера. Книге явно не хватает соавтора — профессионального экономиста или экономического историка, который бы помог упорядочить и проверить факты, дополнить материал наработками отдельных экономических школ и сфокусировать внимание на вопросах, над которыми стоит задуматься экономистам любых течений. Однако при всех недостатках книга будет полезным чтением для всех, кому интересно поместить кредитные бумы, криптовалюты и фиатные деньги в широчайший возможный исторический контекст.

Ключевые слова: долг, деньги, кредит, происхождение денег, экономическая антропология.

Следует сразу же отметить, что эта рецензия написана экономистом в соавторстве с представителем гуманитарного знания в стремлении представить более многомерную точку зрения.

Броское название книги Гребера призвано напомнить нам о том, что долговые отношения в человеческом обществе уходят корнями в глубь истории. Экономист и историк немедленно вспомнят, что среди первых письменных источников, дошедших до наших дней, значительную часть составляют разного рода хозяйственные записи, в том числе и записи о долгах. Однако помимо долгов финансовых (книга начинается с обсуждения кризиса 2008–2009 гг., возникшего вследствие роста долгового бремени), значительное внимание автор уделяет обсуждению вопросов о нравственном долге (и его истоках) и о том, как переплетаются эти два типа долгов.

Среди основных задач, которые Гребер ставит перед собой в первой главе, — необхо-

Юлия Викторовна Вымятина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург
yv@eu.spb.ru

Екатерина Элиазаровна Гущина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург
eguschina@eu.spb.ru

димось развеять ряд мифов, в том числе миф о меновой торговле и об изначальном долге перед богами или государством (обществом, семьей, родителями). Он отмечает, что в основе ошибочности обоих мифов лежит представление о том, что все человеческие отношения можно свести к обмену, т.е. представить их в виде сделки. А сам принцип обмена, согласно Греберу, возник в результате насилия. Отсюда перекидывается мостик к происхождению денег, которое в книге увязывается с войнами, рабством и насилием. Заметим, что уже здесь, а также в самом начале второй главы Гребер совершает интересный переход: долг отождествляется с деньгами, а деньги — с долгом. Сложно сказать, какую из этих категорий — долг и деньги — Гребер считает более широкой, включающей в себя другую (возможно, он их приравнивает), но в его книге вопрос о долге и долговых обязательствах переплетается с вопросом о происхождении денег и их месте в нашем обществе.

Для экономиста, особенно для экономиста-практика, это не новость: определение наличных денег в законе о Банке России напрямую объявляет наличные деньги «безусловными обязательствами Банка России» [О ЦБ РФ 2002: Ст. 30]. С точки зрения банка деньги (наши вклады) находятся в пассиве баланса, т.е. являются обязательством¹, которое должно быть исполнено. И здесь появляется нюанс, на который мы считаем важным указать. Если читать книгу в оригинале (на английском языке), то можно увидеть, что Гребер пытается отделить долг (*debt*) от схожих понятий (*liability* ‘обязательство’, *obligation* ‘ответственность’) на том основании, что «долг можно точно исчислить. Для этого нужны деньги» (С. 25)². Однако «долг» в русском переводе оказывается противопоставлен «обязательству» (*obligation*), которое в русском языке используется также в сочетании «финансовые обязательства» (*liabilities*). Тем самым разграничение, которое Гребер проводит в английском (*obligation* относится к социальным нормам поведения, а *debt* (долг) — к тому, что измеряется деньгами), в русском языке теряется, поскольку у нас слово «обязательство» относится не только к социальной, но и к финансовой сфере. Этот лингвистический нюанс напоминает нам также, что этимологическая связь между понятиями денег, долга и вины или греха (Гребер с долей критичности об-суждает этот вопрос в главе 3) отражает развитие конкретных

---

¹ Справедливости ради следует заметить, что не все экономисты согласны с тем, что деньги непременно представляют собой долговой контракт. Существует (и очень распространена) точка зрения, согласно которой деньги — это то, что люди договорились считать деньгами. Они могут принимать форму долгового контракта, но не обязательно. Такое более широкое толкование денег позволяет, например, считать деньгами криптовалюты, которые не являются чьим-либо долгом по факту своего возникновения.

² Текст цитируется по русскому изданию книги.

языков и конкретных обществ и показывает скорее корреляцию, чем происхождение одних слов от других.

Один из важнейших тезисов, которые выдвигает Гребер, состоит в том, что долг и деньги появились одновременно и что история возникновения денег, о которой рассказывается во всех базовых учебниках по экономике, в корне неверна. Развенчанию мифа о меновой торговле (бартере) посвящена вторая глава. С одной стороны, Гребер прав: большинство учебников по экономике пересказывают сюжет о неудобстве бартера, восходящий к мысленному эксперименту Аристотеля. Этот сюжет кочует из одной книги в другую, но не имеет ничего общего с действительностью. С другой стороны, здесь начинает проявляться одна из существенных слабостей книги, причина которой заключается в том, что Гребер не профессиональный экономист. В частности, прекрасно понимая значение денег для социальных отношений и описывая их, он практически не уделяет внимания значению денег для развития экономики, изменению места и роли денег в экономической системе. Кроме того, он не видит, что понимание денег современными экономистами — это полифоническая проблема, где их мифологическое происхождение вследствие неудобства бартера — лишь небольшая составная часть. В этом плане наличие соавтора-экономиста сделало бы книгу более разносторонней и сбалансированной¹.

В частности, соавтор-экономист или историк экономики не допустил бы появления на страницах книги такого утверждения (очень характерного для Гребера): «Когда экономисты пишут о происхождении денег, долг в их рассуждениях всегда появляется в последнюю очередь. Сначала была меновая торговля, потом деньги, и только после этого возник кредит. Даже если взять книги по истории денег, скажем, во Франции, Индии или Китае, там, как правило, речь идет об истории чеканки монет, а вот дискуссий о кредитных отношениях в них почти нет» (С. 25). Эта точка зрения является устаревшей, и в книгах по экономической истории, как старых², так и новых³, проблема важности кредита и его постоянного участия в денежном обращении обсуждается.

¹ И позволило бы избежать некоторых курьезов. В частности, Гребер перепутал названия экономических школ и назвал «посткейнсианцев» «неокейнсианцами». Представители обеих школ не были бы в восторге, если бы узнали о такой путанице. Неокейнсианцы относятся к экономическому мейнстриму, взгляды которого полностью противоположны тому, о чем пишет Гребер, тогда как идеи Гребера о происхождении денег сходны с идеями посткейнсианцев.

² См., например: [Кулишер 2004]. Первое издание вышло в 1909 г., книга была переведена на английский, немецкий, итальянский языки. С работами Кулишера был хорошо знаком и ссылался на них Фернан Бродель.

³ См.: [Эрс 2014; ле Гофф 2015].

Более того, экономист отметил бы, что Гребер на протяжении всей книги трижды упоминает Майкла Хадсона (который один раз назван экономистом, а затем — экономическим историком), и дважды, причем в сноске, — Рэндалла Рэя, видного посткейнсианца, одного из наиболее ярких представителей современной теории денег (Modern Monetary Theory), также называемой неокартализмом¹. Между тем оба исследователя в своих работах обсуждают вопрос о первичности кредитных отношений по сравнению с «обычными» деньгами. Такое почти нарочитое игнорирование серьезного направления в развитии современной экономической денежной мысли, для которого характерен постулат о том, что деньги, выпущенные государством, представляют собой наиболее приемлемую форму долгового обязательства, и сторонники которого уже полтора десятка лет цитируют работы Митчелла-Иннеса (его с энтузиазмом цитирует и Гребер), представляется как минимум странным.

Гребер убедительно показывает, что происхождение денег не следовало схеме «бартер — товарные деньги — монеты — развитие кредита — отказ от обеспечения денежной массы драгоценными металлами», как этот процесс обычно описывают неоклассические экономисты. В действительности кредит появился одновременно с понятием денег (в Месопотамии и других государствах Древнего Востока), которые использовались первоначально не столько в качестве средства обмена, сколько в качестве единицы счета, тогда как «денег-вещей» еще просто не существовало. Гребер пишет, что деньги часто выполняют только одну функцию — единицы счета (глава 3), но для него это повод обсудить важность долга и его связь с деньгами, тогда как для экономиста важнее здесь другая функция денег, которую Гребер не упоминает, — средства платежа.

Заметим, что Гребер не дает собственного четкого определения денег, а лишь ссылается на три функции денег, которые, по его мнению, обычно выделяют экономисты: средство обмена, единица счета и средство сбережения. Между тем даже в базовых учебниках по экономике, так не любимых Гребером (С. 26–28), определения денег могут различаться. Например, в одном учебнике вводного уровня дается такое их определение: «Деньги — это общепризнанное средство платежа, которое принимается в обмен на товары и услуги, а также при уплате долгов» [Фишер, Дорнбуш, Шмалензи 1999: 473]. При этом выделяют четыре функции денег: средство обмена (или средство платежа), единица счета, средство сохранения стоимости, мера от-

---

¹ Заметим, что в русском переводе употребляется термин «хартальная теория», тогда как экономисты чаще говорят «картализм».

ложенных платежей. В другом — самом популярном в мире (по продажам) вводном учебнике по экономике — деньги определяются следующим образом: «Деньги — это набор активов в экономике, которые люди регулярно используют для покупки товаров и услуг у других людей»¹ [Mankiw 2004: 608]. При этом Мэнкью в качестве функций денег называет роли средства обмена, единицы счета и средства сохранения стоимости. Заметим, что, несмотря на общее сходство, имеются некоторые различия. В частности, в первом определении присутствует слово «платеж», что подразумевает неодномоментность обмена, когда возможны как «деньги утром, вечером стулья», так и «стулья утром, деньги вечером». На первый взгляд это кажется незначительным уточнением, однако именно здесь «зарыта» возможность кредитных отношений, первичность и важность которых по отношению к деньгам отстаивает Гребер.

Кроме того, Гребер не дает и четкого определения долга, что затрудняет восприятие его аргументов. Во второй главе он отделяет долг от других обязательств на том основании, что долг может быть измерен в денежной форме. В пятой главе он говорит, что «[д]олг — вещь очень специфическая, и возникает он в очень специфических ситуациях. Для этого прежде всего нужны отношения между двумя людьми, которые не считают себя людьми принципиально разного рода и которые, по крайней мере потенциально, равны друг другу и действительно равны в по-настоящему важных вещах» (С. 123–124). Появление долга, согласно Греберу, приводит к неравенству между людьми, которое следует устранить, погасив долг. Получается, что долг — это особый вид социальных отношений, которые двояко влияют на общество: с одной стороны, они его цементируют², а с другой — могут привести к разрыву социально значимых связей в обществе³.

Заметим, что основную часть анализа долговых отношений Гребер проводит на примере того, что он называет «человеческими экономиками», в которых деньги не являются средством купли-продажи людей, а отражают, до какой степени это невозможно сделать (С. 213). Человеческие экономики начинают деградировать, уступая место экономикам «рыночным», или «торговым», которые основаны на торговле, причем предметом торговли оказываются люди (в первую очередь женщины), даже когда рынки других товаров еще отсутствуют. Это происходит в тот момент,

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Гребер иллюстрирует это примером ситуации у народа тив, где принято обмениваться небольшими подарками, позволяющими поддерживать социальные связи (С. 107).

³ Иллюстраций этого явления в книге множество: о долговом рабстве речь идет практически во всех главах, но наиболее подробно оно рассматривается в главе 6.

когда деньги социальные, использовавшиеся в человеческих экономиках для обозначения того, что не может являться средством обмена, поскольку не имеет ничего равноценного (индивидуальный человек), начинают использоваться в повседневных торговых операциях. Гребер показывает трансформацию таких социальных денег в деньги повседневные в связи с развитием африканской работорговли (глава 6). Основная идея, которую он настойчиво повторяет на протяжении всей книги и которая наиболее ярко выражена именно при обсуждении работорговли, заключается в связи денег с насилием, в том, что деньги появляются в контексте разрыва социальных связей.

Здесь возникает несколько соображений. Во-первых, с точки зрения экономиста, деньги — инструмент, и, как всякий инструмент, они могут использоваться как для того, чтобы способствовать развитию экономики и процветанию всех и каждого, так и для того, чтобы развалить общество и уничтожить отдельных людей. Инструмент не может отвечать за то, как его будут использовать. Пожалуй, это самое существенное замечание к проходящему лейтмотивом через всю книгу тождеству «долг = деньги = насилие». Во-вторых, Гребер не всегда различает деньги по их экономическим и социальным функциям. Насколько можно судить, согласно Греберу, сначала единственным типом денег были деньги социальные, отражающие важные изменения социального статуса в неких (видимо, довольно примитивных) сообществах (например, у древних кельтов и ирландцев). Затем деньги трансформируются, утрачивают социальную составляющую, но зато приобретают составляющую экономическую, и уже в своей экономической ипостаси они начинают выполнять те функции, которые им приписывают экономисты. И, в-третьих, все приводимые Гребером антропологические свидетельства о механизме появления денег и о трансформации социальных денег в «обычные», экономические, относятся к тому периоду, когда одни общества были уже достаточно развиты, чтобы вести антропологические заметки о других.

Иными словами, мы можем вместе с Гребером наблюдать полное драматизма превращение социальных денег в экономические, но происходит это в ситуации, когда «внешний мир» (работорговцы) уже давно пользуется обычными деньгами. Тот факт, что в этой ситуации насилие и трансформация денег в привычную нам форму идут рука об руку, вообще говоря, не дает основания предполагать, что так было всегда.

Здесь проявляется одна из любопытных особенностей книги, являющаяся оборотной стороной попытки охватить всю известную историю понятия денег и долга во всех известных обществах, — необходимость отбора фактов. Часто это приводит

к ощущению, что из всех доступных данных были выбраны те, которые лучше укладываются в концепцию автора. Это впечатление появляется при обсуждении возникновения денег и долговых отношений и их связи с насилием и усиливается в дальнейшем, когда Гребер выдвигает свою гипотезу о чередовании виртуальных и реальных денег, которой и посвящена вторая половина книги. Под «виртуальными» деньгами он понимает деньги кредитные, когда вещественное выражение денег может отсутствовать, но ведется учет долгов. «Реальные» деньги — это деньги, имеющие физическое воплощение.

Охватив историю пяти тысячелетий, Гребер показывает несколько крупных «волн» кредитных и реальных денег: виртуальные деньги царств Древнего Востока (III тысячелетие до н.э.) сменяются золотыми и серебряными монетами, которые распространяются с VI в. до н.э. по всему миру, а спустя примерно тысячу лет вновь уступают место виртуальным деньгам. В очередной раз период реальных денег наступит с началом того, что Гребер называет эпохой великих капиталистических империй (1450–1971 гг.), после чего снова наступает эпоха виртуальных денег.

На основании чего формируются эти крупные циклы? «Определяющим фактором здесь является война. Монеты преобладают прежде всего тогда, когда царит насилие» (С. 219). Это не открытие Гребера, об этом неоднократно писали уже упоминавшиеся неокарталисты¹ и представители предшествовавшей им почтенной традиции, которая рассматривала деньги в связи с налогами (налоги — прерогатива государства, которое имеет право на легитимное насилие!). Интереснее здесь другое: Гребер показывает, насколько одновременно (в масштабах исторического времени) это происходило в различных уголках мира (за исключением, на начальных этапах, обеих Америк и Австралии). Правда, вследствие некоторой журналистской небрежности автора в работе с отдельными фактами (характерной для неэкономической журналистики), остается вопрос, насколько рисуемая Гребером картина правдива: экономисты (как и профессиональные историки) с подозрением относятся к такой манере изложения.

Например, в главе 1 автор рассказывает, как западные коммерческие банки совместно с МВФ заставляли брать кредиты страны Третьего мира, как эти деньги в итоге оседали на счетах у диктаторов, а несчастное население расплачивалось за эти займы, переплачивая в три-четыре раза. Экономисту хотелось бы знать конкретнее, на каких условиях были взяты займы,

¹ См., например: [Cook 1958; Goodhart 1998; Wray 1998].

на каких условиях продлялась выплата кредита и какова же на самом деле была переплата. Для научной книги (а в послесловии к изданию 2014 г. Гребер подчеркивает, что пишет научную книгу) отсутствие четких данных со ссылками на источник представляется существенным недостатком, который с самого начала подрывает доверие к ней.

Аналогичная претензия относится и к тем данным, которые Гребер все-таки приводит. Например, в главе 10 он дает таблицу «Население и налоговые поступления, 350 год до н.э. — 1200 год» (С. 279). По-видимому, таблица должна иллюстрировать тезис автора о том, что «Запад» в Средние века для всего мира в целом означал «ислам» и что именно исламские страны были наиболее экономически развитыми в свое время. Сложно сказать, почему именно доходы правительства в тоннах серебра (в том числе в граммах на душу населения) выбраны в качестве подходящего показателя экономического развития, но еще сложнее понять, почему сравнение проводится на данных за полторы тысячи лет без каких-либо дополнительных комментариев. Данные, приведенные в таблице, показывают, что лидерство по налоговым поступлениям в граммах серебра на душу населения удерживает Египет в 200 г. до н.э. На втором месте стоит государство Аббасидов по состоянию на 850 г. н.э. (разница в тысячу лет!), а на третьем — династия Тан в том же году. Отметим, что различие между первым, вторым и третьим местами в этой выборке является статистически незначимым (даже при удалении явных аутсайдеров — Франции и Англии). Ну и самое любопытное: ссылка на источник данных, приведенная в приложении (это уже настораживает: экономисты всегда указывают ссылку на источник данных сразу под таблицей, так как это очень важная информация), отсутствует в списке литературы. Скорее всего, Гребер ошибся с годом, так как в списке литературы присутствуют два автора с указанной фамилией, но заниматься гаданием не хочется.

Перечислять неточности, недоговоренности, примеры смешения в кучу исторических эпох, разных типов обществ и экономик можно долго. Из-за этого книга вряд ли станет столь значимой в экономических кругах, чтобы представление о происхождении денег среди экономистов мейнстрима существенно изменилось. Те же экономисты, которые разделяют взгляды Гребера на историю денег, вряд ли отнесутся серьезно к его книге из-за отмеченных выше недостатков. Автору не стоит обольщаться, как он это делает в послесловии к изданию 2014 г., — английская экономическая традиция, в русле которой работает и Банк Англии, является, пожалуй, одной из наиболее разнообразных как исторически, так и в настоящий момент. Работа Чарльза Гудхарта о двух концепциях денег

[Goodhart 1998] скорее повлияла на взгляды английских банкиров, чем книга Гребера.

Вместе с тем рецензируемая книга представляет интерес для экономистов именно потому, что написана не экономистом. Если вчитываться в факты (и надеяться, что Гребер не слишком их исказил), возникает многообразная история денег и долга, вырисовывается интересное представление о деньгах, в соответствии с которым изначально сугубо социальный конструкт становится все более экономическим. При этом природа его, по-видимому, остается неизменной: накопление долгового бремени по-прежнему приводит к периодическим кризисам, которые в той или иной мере способствуют списанию долга. Внимательный экономист обратит внимание и на то, что Гребер настойчиво повторяет свою идею о параллельном возникновении и развитии государства и рынка как двух важных институтов, традиционно противопоставляемых экономистами. Такая трактовка может лишней раз заставить экономиста любой школы задуматься, кто создает деньги и управляет их количеством и нет ли здесь противоречия. Экономист также задумается о платежных системах как неотъемлемой части института денег, о которых Гребер ничего не говорит, но которые фактически являются проводниками доверия, столь необходимого для существования денег. Можно вспомнить и о том, что Адам Смит, считающийся отцом современной экономики (довольно странный выбор, если учесть богатую традицию, сложившуюся до него), был, по сути, социальным философом, а потому не разделял экономику как она есть (позитивная экономика) и экономику, какой она должна быть с точки зрения принятых в обществе нравственных норм (нормативную экономику).

Сложно не согласиться с Гребером, когда он пишет: «Антропологи так и не смогли предложить ясную и убедительную историю происхождения денег потому, что, судя по всему, такой истории вообще не было. <...> Когда мы пытаемся выяснить детали, то обнаруживается, что существует множество различных обычаев и практик, которые слились в то, что мы теперь называем “деньгами”, и именно по этой причине экономистам, историкам и всем остальным так трудно предложить их единое определение» (С. 55–56). А потому чем больше обсуждается вопрос о сущности, происхождении и эволюции денег и всего, что с ними связано, тем больше у нас шансов получить максимально общую картину этого явления.

Источники

[О ЦБ РФ 2002] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России). Федеральный закон № 86 от 10 июля 2002 г. <http://cbr.ru/today/status_functions/law_cb.pdf>.

Библиография

- Ле Гофф Ж.* Средневековые и деньги. Очерк исторической антропологии / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2010. 221 с.
- Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. 9-е изд.: В 2-х т. Челябинск: Социум, 2004. XXI+617 с.
- Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика / Общ. ред. и предисл. Г.Г. Сапова; пер. с англ. Е.Е. Балашовой, Т.Н. Золотухиной, Е.В. Танхилевича, Н.Г. Горюшиной. М.: Дело, 1999. (Зарубежный экономический учебник). 829 с.
- Эрс Ж.* Рождение капитализма в средние века. Менялы, ростовщики и крупные финансисты / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2014. 319 с.
- Cook R.M.* Speculation on the Origins of Coinage // *Historia*. 1958. Vol. 7. P. 257–262.
- Goodhart C.A.E.* Two Concepts of Money: Implications for the Analysis of Optimal Currency Areas // *European Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 14. P. 407–432.
- Mankiw N.G.* Principles of Economics. 3rd ed. Mason, OH: Thomson South-Western, 2004. 848 p.
- Wray L.R.* Understanding Modern Money. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. 198 p.

**A Review of David Graeber, *Debt. The First 5000 Years*.
Brooklyn; New York: Melville House, 2011, 534 pp.**

Yulia Vymyatnina

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya st., St Petersburg, Russia
yv@eu.spb.ru

Ekaterina Guschina

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya st., St Petersburg, Russia
eguschina@eu.spb.ru

The book under review presents a wide-scale investigation of the role of debt in social relations, the interrelation of debt and money, as well as the evolution of various forms of debt and money in the written history of humanity. By equating the notion of debt with the notion of money, Graeber attempts to describe the joint evolution of both phenomena in a variety of social contexts (formation and development of governments, wars, changing economic systems). The author demonstrates erudition and knowledge of an enormous number of facts, but hardly verifies them or ensures data compati-

bility. This means that the audience to whom Graeber primarily addresses his book and whose myths he wants to dethrone, namely, mainstream economists, is unlikely to read it. The book needs a coauthor — a professional economist or economic historian — who would organise and check the facts, provide insight from different economic schools, and highlight the issues relevant to economists of all approaches. Despite all its disadvantages, the book is a useful reading for all who are interested in placing credit booms, cryptocurrencies, and fiat money into the widest historical context possible.

Keywords: debt, money, credit, origins of money, economic anthropology.

References

- Cook R. M., 'Speculation on the Origins of Coinage', *Historia*, 1958, vol. 7, pp. 257–262.
- Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R., *Economics*. 2nd ed. New York: McGraw-Hill, 1988, 813 pp.
- Le Goff J., *Le Moyen Âge et l'argent : essai d'anthropologie historique*. Paris: Perrin, 2010, 252 pp.
- Goodhart C. A. E., 'Two Concepts of Money: Implications for the Analysis of Optimal Currency Areas', *European Journal of Political Economy*, 1998, vol. 14, pp. 407–432.
- Heers J., *La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grand financiers*. Paris: Perrin, 2012, 320 pp.
- Kulisher I. M., *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Yevropy* [The History of the Economic Life of Western Europe]. 9th ed.: in 2 vols. Chelyabinsk: Sotsium, 2004, 1030+XXI pp. (In Russian).
- Mankiw N. G., *Principles of Economics*. 3rd ed. Mason, OH: Thomson South-Western, 2004, 848 pp.
- Wray L. R., *Understanding Modern Money*. Cheltenham: Edward Elgar, 1998, 198 pp.